

ГОРОД СВЯТЫХ

Город святых

И, смотря на потоки у горных подножий,
На дубы и полдневных лучей торжество,
Европеец дивится, как странно похожи
Друг на друга народ и отчизна его.

Николай Гумилев¹

Многие из наиболее примечательных особенностей
в манерах, обычаях и характере нации
можно соотнести с физическими особенностями страны.

Эдвард Лэйн²

«Дорога напоминала рай на хороших русских лубках: неестественно-зеленая трава, слишком раскидистые ветви деревьев, большие разноцветные птицы и стада коз по откосам гор. Воздух мягкий, прозрачный и словно пронизанный крупинками золота. Сильный и сладкий запах цветов. И только странно дисгармонируют со всем окружающим черные люди, словно грешники, гуляющие в раю, по какой-нибудь еще не созданной легенде <...>».

Надо взбегать, почти не останавливаясь, и балансировать на острых камнях: так меньше устаешь. Бьется сердце, и захватывает дух: словно идешь на любовное свидание. И зато бываешь вознагражден неожиданным, как поцелуй, свежим запахом горного цветка, внезапно открывшимся видом на нежно затуманенную долину <...>³

Ночевали на половине подъема, и это была наша первая ночь в палатке. Там уместились только две наши кровати и между них, как ночной столик, два поставленные один на другой чемоданы типа выработанного Грумм-Гржимайло <...>⁴

Я посмотрел на часы: подъем длился полтора часа. Мы были на Харарском плоскогории. Местность резко изменилась. Вместо мимоз зеленели банановые пальмы и изгороди молочаев; вместо дикой травы — старательно возделанные поля дурро. В галласской деревушке мы купили инджиры (род толстых блинов из черного теста, заменяющие в Абиссинии хлеб) и съели ее, окруженные любопытными ребятишками, при малейшем нашем движении бросающимися удирать. Отсюда в Харар шла прямая дорога, и кое-где на ней были даже мосты, переброшенные через глубокие трещины в земле. Мы проехали второе озеро Оромоло, вдвое больше первого, застрелили болотную птицу с двумя белыми

Н. С. Гумилев, Н. Л. Сверчков. «Раскидывание палатки». 1913 г.
МАЭ № 2198-69

2198-69,

---

¹ Николай Гумилев. Абиссиния. 1918 г.

² Э. У. Лэйн. *Нравы и обычаи египтян первой половины XIX века*. М.: Восточная литература, 1982. С. 76.

³ Гумилев. *Африканский дневник, Сочинения*, VI. С. 87.

⁴ Там же. С. 91.

Мечеть над городом. Харар. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

наростами на голове, пощадили красивого ибиса и через пять часов очутились перед Хараром.

Уже с горы Харар представлял величественный вид со своими домами из красного песчаника, высокими европейскими домами и острыми минаретами мечетей. Он окружен стеной, и через ворота не пропускают после заката солнца. Внутри же это совсем Багдад времен Гаруна-аль-Рашида. Узкие улицы, которые то поднимаются, то спускаются ступенями, тяжелые деревянные двери, площади, полные галдящим людом в белых одеждах, суд, тут же на площади, — все это полно прелести старых сказок»⁵.

Таким увидел Харар Николай Гумилев в 1913 г.

Там колдун совершает привычное чудо,
Тут, покорна напеву, танцует змея,
Кто сто талеров взял за больного верблюда,
Сев на камне в тени, разбирает судья⁶.

⁵ Гумилев. Африканский дневник, *Сочинения*, VI. С. 88.

⁶ Николай Гумилев. Абиссиния. 1918 г.

Ворота Бадри-Бари
в старом городе. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Харар, 2008 г. Видео
Татьяны и Александра
Соловьевых

Харарская улочка. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Харар, основанный, по-видимому, около XIII в.⁷, возник как форпост ислама и мусульманский торговый центр в Восточной Африке. Примечательно, что о существовании на этих территориях мусульманских государств до XII–XIII вв. говорит лишь местная традиция. Арабские историки и географы того времени не знают о них ничего, однако известно, что купцы-мусульмане (выходцы из Аравии по преимуществу) стали появлять-

ся здесь уже в XI в. Возникновение Харара, как и других мусульманских государств на северо-востоке Эфиопии, связано в первую очередь с торговой экспансией купцов-мусульман (арабов и персов), с развитием Зейлы⁸ — мусульманской «купеческой республики» и первой торговой фактории исламского мира на восточном побережье Африки.

Изначально ислам — религия торгового сословия. Торговые караваны несли с собой новую веру, возникшее единое исламское пространство обеспечивало интересы дальней караванной торговли. История книжности мусульманской цивилизации неразрывно связана с именами купцов и торговых посредников. Они успешно вели торговые дела, создавая при этом географические сочинения, поэтические антологии, правовые трактаты...

Достаточно быстро вся торговля на северо-востоке Эфиопии была монополизирована этноконфессиональной группой, возникшей в результате смешения пришлых арабов-мусульман с местным населением, а в торговые центры-фактории, основанные уже внутри страны, переместилась городская жизнь, пришедшая в упадок на Эфиопском нагорье после гибели Аксумского царства. Часть этой группы составили харари — потомки семитоязычного народа, обитавшего в этом регионе Эфиопского нагорья и исламизированного уже к XI в.⁹ Этническое самосознание новой общности окончательно развилось и окрепло в первую очередь в результате драматических событий XIII–XVI вв.

Согласно преданию, зафиксированному псевдоисторическим сочинением XVIII в. «Завоевание города Харара» («Фатх мадинат Харар»), сюда в 1216 г.¹⁰

⁷ В 2007 г., как часть кампании, во многом инициированной Мухаммадом Хусайном ал-Амуди, саудовским гражданином, уроженцем Эфиопии и одним из самых богатых людей в мире, прошло празднование 1000-летия Харара. Кампания имела целью превращение Харара в международный туристический центр путем рекламы и привлечения инвестиций в комплексную реконструкцию городского хозяйства, реставрацию и консервацию историко-культурных памятников. Было положено очень хорошее начало, но потом постепенно все вернулось на круги своя.

⁸ Некогда процветающий и могущественный город-порт Зейла (Сайла) — «Новгород Восточной Африки» — ныне — крошечный рыбацкий поселок в Сомали на побережье Аденского залива. Сегодня роль транзитного города-порта успешно выполняет Джибути, расположенный в пятидесяти километрах от Зейлы.

⁹ Подробнее см.: Braukämper. *Islamic History*. P. 106–109.

¹⁰ Об этом сочинении см.: E. Wagner. *Legende und Geschichte: Der Fath Madinat Harar von Yahya Nasrallah, The International Journal of African Historical Studies*, XV/1 (1982). P. 152–154.

Мавзолей Абадира ‘Умара ар-Риды. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

из Хиджаза пришла большая группа святых подвижников во главе с Абадиром ‘Умаром ар-Ридой¹¹. Последний стал святым покровителем города, а его мавзолей (*аватч*) — главной городской святыней. Почитание *шейха* распространилось далеко к западу, востоку и югу¹² от *Ау Абадир гей* — «Города отца Абадира» и плодородного плоскогорья¹³, на котором он возник. Удачное месторасположение на перекрестке дорог, ведущих из внутренних областей Эфиопии к морю, среднегодовая температура около 20 °С, богатые красноземы, приносящие несколько урожаев в год — все это способствовало процветанию города, ставшего к началу XIV в. частью исламской этно-

культурной и религиозно-политическая общности, сформировавшейся в этом регионе Эфиопии и прилегающей части Сомали и связанной как с эфиопской цивилизацией, так и с миром ислама. Купцы-горожане — зейласцы, харари, джабарти — предпочитали независимое автономное существование¹⁴. Благодаря активной проповеди, помноженной на торговую экспансию, ислам¹⁵ вытеснил здесь существовавшие прежде островки христианства, и, в свою очередь, стал островом, «окруженным огромным пространством доцивилизированных неисламизированных

¹¹ Согласно другим историческим преданиям, *шейх* Абадир появился здесь в X или даже в VII в. В последнем случае его позиционируют как современника и сподвижника пророка Мухаммада.

¹² См. ниже в главе «Локинач и крокодиля река».

¹³ Город расположен на высоте 1856 м над уровнем моря.

¹⁴ Лишь йеменской по происхождению династии Валашма⁴ удалось на время объединить под своей властью часть исламских центров в этом регионе страны.

¹⁵ В богословско-правовом плане харарцы являются шафи‘итами. Шафиитский *мазхаб* господствовал на аравийских берегах и распространялся по путям морской торговли в бассейне Индийского океана. Для мусульманских факторий, подобные Зейле, была характерна именно эта форма ислама.

Рукопись Корана на выставке в городе. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

обществ»¹⁶. Харару было суждено стать главным центром мусульманской учености на Африканском Роге, обеспечивавшим существование вдоль важнейших торговых путей единого религиозно-культурного пространства, столь важного для процветания мусульманской торговли.

К XIII–XIV в. часть Эфиопского нагорья, связанная с караванной торговлей и исламом, стала все более обособляться от остальных регионов страны. Этот процесс проходил на фоне усиления военного давления языческого окружения и вызвал «религиозно-политические движения как в христианской, так и в мусульманской частях Эфиопии. Среди христиан это движение возгла-

вила церковь, среди мусульман, — по видимому, *факихи* и купечество»¹⁷.

Одна за одной волны проповедников из исламских центров Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки несли сюда многообразные варианты религиозных предпочтений и практик. Вслед за персидскими купцами-поселенцами, известными тут как *ширази* и обосновавшимися в регионе уже в XII в., здесь появились члены суфийского братства *кадирийя*, вскоре занявшие в городе и его округе главенствующие позиции. Именно они возглавили «партию джихада», которая, по мнению Ю.М. Кобищанова, «была партией реформ, направленных против традиционного

¹⁶ Ю.М. Кобищанов. Начало исламской цивилизации в тропической Африке, *Очерки истории распространения исламской цивилизации. От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания*, I, М.: РОССПЭН, 2002. С. 186–187.

¹⁷ Он же. Исламская тропическая Африка, *Очерки истории распространения исламской цивилизации. Эпоха великих мусульманских империй и каирского аббасидского халифата*, II, М.: РОССПЭН, 2002. С. 375.

Базар у ворот Шоа. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Н. С. Гумилев, Н. Л. Сверчков. «Рынок и площадь в Хараре». 1913 г.
МАЭ № 2198-44

синкретизма в религиозной жизни, общественной нравственности и общественном строе»¹⁸.

Расцвет Харара пришелся на кровавый для региона XVI в. В качестве столицы султаната Адал, который вел зачастую победоносный *джихад* против христианской Абиссинии¹⁹, Харар стал местом, где расцвели не только традиционные исламские науки и образование, но и религиозная поэзия на арабском языке²⁰. Богатейшие базары Харара, где реализовывалась добыча от военных набегов, были местом встречи купцов и товаров из Средиземноморья, Аравии, Африки, Индии. В период расцвета практически ежедневно в город приходили и покидали его громадные торговые караваны, связывавшие Харар с портом Зейла.

Сегодня Харар уже не имеет значение международного торгового центра, но его базары привлекают всех жителей многонациональной округи — харари, оромо, аргобба, сомали, амхари, и, наверное, едва ли

не так же красочны, как и прежде²¹. Здесь можно купить произрастающие сегодня в округе просо, сорго, картофель. Местные апельсины, бананы, манго, гуава до сих пор считаются лучшими в стране, а превосходный харарский мокко знают далеко за ее пределами. Лучшим в мире считается харарский кат.

«Собственно харариты живут только в городе, — писал Н. С. Гумилев, — и выходят работать в сады, где растет кофе и чад (дерево с опьяняющими листьями), остальное пространство с пастбищами и полями дурро и маиса еще в XVI веке занято галласами, коту, т. е. земледельцами»²².

Всегда пользовалась спросом харарская посуда и разнообразные предметы быта, плетенные из многоцветной соломки²³. И сегодня харарские корзинщики

¹⁸ Кобищанов. Исламская тропическая Африка. С. 380.

¹⁹ Подробнее см.: С. Б. Чернецов. *Эфиопия в первые шестнадцать веков нашей эры*. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 156–197; M. Abir. *Ethiopia and the Red Sea: The Rise and Decline of the Solomonic Dynasty and Muslim European Rivalry in the Region*. London: Routledge, 2013.

²⁰ Образцы см., например, в рукописи, привезенной из Харара экспедицией МАЭ РАН в 2008 г. (см. ниже в главе «Калам и книги»).

²¹ Исторически в Хараре было пять базаров. Центральный, под названием «Гидир магала», и пять базаров возле соответствующих ворот. Сегодня роль «Гидир магала», бывшего во времена Гумилева основным, падает, а роль рынка у ворот «Асмадин бари» возрастает. Именно последний стал главной торговой площадкой старого города. Базар у ворот «Бадро бари» прекратил существование.

²² Гумилев. *Африканский дневник*. С. 95.

²³ Z. Ahmed. *Harari Basketry through the Eyes of Amina Ismael Sherif, Ethiopia: Tradition of Creativity*. Eds. A. Raymond & A. Silverman. East Lansing, MI; Seattle, WA: Michigan State University Museum; University of Washington Press, 1999. P. 47–63.

Кузнецы в Хараре. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

и кузнецы²⁴ создают в городе свои маленькие шедевры. И, наконец, местные ремесленники издавна славились удивительными по красоте книжными переплетами, а переписчики, живущие в «книжном городе», на протяжении многих веков создавали прекрасные рукописи.

Символом Харара стала мощная оборонительная стена (*джугол*) из легкого пористого известняка²⁵ (длина 6666 локтей — чуть более трех километров, высота четыре метра, толщина 50–75 см), возведенная, по преданию, в 1551/52 г. эмиром Нуром б. Муджахидом (ум. в 1567 г.)²⁶. Он стал вторым по значимости святым покровителем города. К числу святых (*аулия*) были причислены и двое мекканцев, отец и сын, по преданию руководивших возведением стены. Их мавзолеи расположены в черте города.

²⁴ В Хараре традиционно считается, что кузнецы имеют сношение с «темными силами». Они образуют отдельную, низкую по своему социальному положению «касту». Ср.: В.Н. Семенова. Традиция обработки кожи в Эфиопии: по материалам коллекций МАЭ РАН, *Африканский сборник* — 2009. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 141.

²⁵ М.А. Abdullahi. A Survey of the Djugal (Wall) and Its Gates, *Proceedings of the First National Conference of Ethiopian Studies (Addis Ababa, April 1990)*. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, Addis Ababa University. P. 321–334.

²⁶ Стена 1551/52 г. стала завершением развития системы оборонительных сооружений, воздвигавшихся вокруг Харара с XIII в.

Корзинщица за работой. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Именно после возведения стены Харар сложился в своих современных градостроительных формах²⁷. Площадь территории, окруженной стеной, — около 60 га (протяженность в самой широкой и узкой частях соответственно 1,6 км и 0,8 км), здесь сегодня живет около 25 тыс. человек (из которых по меньшей мере половина — харари)²⁸. С учетом того, что существующая

²⁷ Подробнее об истории сложения архитектурного облика Харара см. также: S. Santelli. *Harar. Une cite musulmane d'Ethiopie*. Paris: Maisonneuve et Larose, 2004.

²⁸ См.: A. Gori & R. Bianchini. *Cultural Heritage of Harar; Mosques, Islamic Holy Graves, and Traditional Harari Houses. A Comprehensive Map*. Rome: University of Rome, 2003; T. Insoll, A. Zekaria. The Mosques of Harar. An Archaeological and Historical Study, *Journal of Islamic Archaeology*, VI/1 (2019). P. 81–107. За пределами Харара, в других городах Эфиопии и за границей живет сегодня около 45 тыс. человек, считающих себя харари по национальности.

Харар. Оборонительная стена (джугол). 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

плотность застройки мало изменилась с XVI в., можно считать, что фактически неизменной остается и численность населения старого города. В этом отношении Харар является сегодня уникальной лабораторией, позволяющей смоделировать процессы, происходившие в жизни средневекового мусульманского города, и как таковой заслуживает самого тщательного изучения²⁹.

Внешне это обычный исламский город с лабиринтом узких улочек и глухих фасадов. Однако основу городской застройки представляют *гей гар* — традиционные харарские дома³⁰, которые по своей структуре во многом уникальны. Толстостенные каменные дома с высокими потолками и плоской крышей часто обращены главным фасадом на запад. Группы домов, объединенные общим двором, образуют структуру,

²⁹ О важности такого рода исследований см.: О.Г. Большаков. *Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. Социально-экономические отношения*. М.: Наука, 2001.

³⁰ E.-D. Hecht. The City of Harar and the Traditional Harar House, *Journal of Ethiopian Studies*, XV (1982). P. 56–78.

Мавзолей Нура б. Муджахиды. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Традиционные харарские дома. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

называемую *абат*, и представляют общий социальный организм, жизнь которого подчиняется особому ритуалу. Сегодня таких домов насчитывают до тысячи единиц, и значительная их часть, как и городская стена, датируется XVI в.

Интерьеры традиционного харарского дома. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой и Дмитрия Шнеерсона

Внутренняя структура, планировка и интерьеры традиционных харарских домов во многом исключительны. Громадная резная дверь (*гар бери*) ведет в парадную часть дома — это место, где харарцы собираются с друзьями и родственниками по радостным и печальным поводам: здесь играют свадьбы, оплакивают умерших, совершают молитвы, читают Коран. Гости и хозяева размещаются здесь согласно своему статусу. Парадное помещение (*недеба*) имеет пять «уровней»: верхний, наиболее почетный — *амир недеба*, предназначен для главы семьи, стариков и людей образованных, затем, по нисходящей, идут «большой» (*гидир*)³¹, «маленький» (*тум*) «уровни», а также *гебти ехер* («место за дверью»). Последние два уровня предназначены для молодых и необразованных людей. В стенах оборудованы ниши двух типов: закрывающиеся (*кабад*) для хранения одежды³² и открытые (*такет*) — для книг, предметов, привезенных в результате совершения *хаджжа* в Мекку, дорогой посуды. Один из местных краеведов составил словарь из 200 слов, обозначающих элементы традиционного харарского дома, многие из которых имеют символическое значение³³.

Лестница с высокими ступенями (*кути кала*) ведет в небольшое помещение, в котором сегодня обычно располагается спальня, а прежде запасали продукты. «Большая» спальня называется *дера*, вместительная кладовая — *киртет*. На крыше традиционного дома размещено обычно 7–9 деревянных пик-держателей

³¹ Если боковая стена срезана, имеется еще один уровень, называемый «скрытым» (*супри*).

³² См.: P. M. Klemm. Fashioning History: Women's Costumes from Eastern Hararge, 1850–1886, *Ethiopian Studies at the End of the Second Millennium. Proceedings of the 14th International Conference of Ethiopian Studies (November 6–11, 2000)*, II. Addis-Abeba: Institute of Ethiopian Studies of Addis-Abeba University, 2000. P. 61–80. Ср.: A. Kudriavtceva. "And Thy Robes Purify!" — Clothes (*Libas*) in the Qur'an, *Manuscripta Orientalia*, XX/1 (2014). P. 23–33; Она же. "As if they were Jacinths and Coral" — Adornments (*Hilya, Zina*) in the Qur'an, *Manuscripta Orientalia*, XX/2 (2014). P. 10–17; A. Kudriavtceva, E. Rezvan. Earthly Maiden and Heavenly Maiden (on the Interpretation of the Image of Woman in Pre-Islamic Poetry and the Qur'an), *Manuscripta Orientalia*, XXIII/1 (2017). P. 10–20.

³³ D. Vô Vân, M. J. Guleid. *Harar. A Cultural Guide*. Addis Ababa: Shama Books, 2007. P. 18.

ГОРОД СВЯТЫХ

для ковриков. Согласно традиции число выставленных ковриков соответствует числу девушек на выданье, живущих в доме.

Во дворе часто можно увидеть одно-два фруктовых дерева. Их было бы много больше, если бы не острейший дефицит воды — одна из основных проблем сегодняшнего Харара. Хозяйки охотно высаживают и базилик (*райхан*). По преданию, раньше его в Хараре было столь много, что город благоухал от его запаха.

Историческая часть города, окруженная стенами, священна для местных мусульман. Даже в самой форме пространственного расположения стены, окружающей город, местные жители видят фигуру молящегося, склоненного в глубоком поклоне. Пространство города, таким образом, становится своеобразным молитвенным ковром. Длина стены — 6666 локтей — равна числу *айатов* Корана, а число ворот — пять — соотносится с пятью «столпами» (*рукн*) ислама³⁴. Город как сакральное пространство делится на семь кругов (*шир-ти*), и «уровень святости» падает при перемещении от центра к городской стене (последний круг очерчивает городскую стену снаружи). Окруженный стенами старый город (*Харар джугол*) включен в 2006 г. ЮНЕСКО в Список всемирного наследия.

Харар известен как «город святых» (*мадинат алаулийа*)³⁵ и, как полагают здесь, является четвертым по своему религиозному значению городом ислама. Харарцы и сегодня утверждают, что в городе 99 мечетей (по числу имен Аллаха)³⁶ и около 300 могил (*куби*),

В мавзолее Абадира ‘Умара ар-Риды. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Один из мазаров Харара. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

которые почитают как святые³⁷. Как говорилось выше, по крайней мере с XV в. здесь главенствуют учения, связанные с суфийским братством кадирийа, а с именем его основателя великого суфия, жившего и творившего в Персии и Ираке, ‘Абд ал-Кадира

³⁴ Пять ворот, построенных при Нуре б. Муджахиде, носят названия, связанные с близлежащими местностями («Асмадин бари», «Асуми бари», «Аргоб бари», «Бадро бари», «Сугутат бари»), и расположены так, чтобы обеспечить доступ местным жителям к водным источникам. Ворота «Бадро бари» и «Асмадин бари» были перестроены египтянами и итальянцами. Шестые въездные ворота были построены в 1933 г. на направлении, связывающем старый город с новым.

³⁵ С. Gibb. *Sharing the Faith: Religion and Ethnicity in the City of Harar, Horn of Africa*, XVI/1–4 (1998). P. 144–162; Она же. “Baraka” without Borders: Integrating Communities in the “City of Saints”, *Journal of Religion in Africa*, XXIX/1 (1999). P. 88–108.

³⁶ Харарским мечетям посвящено специальное исследование, выполненное в Университете Аддис-Абебы. См.: А. Zekaria. *Mosques of Harar*, PhD thesis. Institute of Ethiopian Studies, Addis Ababa University, 1979.

³⁷ Этой теме посвящена серия работ отца Эмиля Фушера, долгое время проработавшего в католической миссии в Хараре. См.: E. Foucher. *Names of Musulmans Venerated in Harrar and its Surroundings: A List, ZDMG*, CXXXVIII (1988). P. 263–282; Он же. *L’islam et le culte des saintes à Harar, Mission-Messages*, CCCLXXXIX (1992), P. 21–26; Он же. *The Cult of Muslim Saints in Harar: Religious Dimension, Proceedings of the Eleventh International Conference of Ethiopian Studies*. Eds. B. Zewde, R. Pankhurst, T. Beyene. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, Addis Ababa University, 1994. P. 71–79.

При входе в мавзолей Абадира ‘Умара ар-Риды. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

У мазара Ай Абида. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

ал-Джилани (1077–1166), в ближней и дальней округе связано несколько мест поклонения³⁸.

«Харариты <...> очень начитаны, отлично знают Коран и арабскую литературу <...>. Их главный святой — *шейх* Абукир, пришедший лет двести тому назад из Аравии и похороненный в Хараре. Ему посвящены многочисленные платаны в городе и окрестностях, так называемые *аулиа*. *Аулиа* здешние мусульмане называют все обладавшее силой творить чудеса во славу Аллаха», — записал в своем путевом дневнике Гумилев³⁹, и для нас, посетивших Харар через 95 лет после него, было важно, что традиционный образ жизни города не претерпел радикальных изменений. Это в некоторой степени позволило увидеть Харар глазами поэта.

Почитание святых «отцов» (*аватч*) и «матерей» (*инайатч*)⁴⁰ — важная часть ритуализированного образа жизни харарцев. Среди людей, почитаемых святыми, многие имена связаны с собственной непростой историей города и *джихадом* XVI в., с историей ислама в этой части Африки. Здесь почитают и деятелей «всемирного ислама», таких как двоюродный брат Мухаммада, его зять и четвертый «праведный *халиф*» ‘Али б. Аби Талиб⁴¹, или же известный суфий Бишр ал-Хафи (767 или 769–840 или 841–842), живший и действовавший в Мерве и Багдаде. Однако, конечно же, особым почитанием окружены *шейх* Абадир и связанные с ним люди. Главнейшей «женской святой» Харара является Ай Абида, или «Мать святых», бывшая, по преданию, спутницей Абадира. *Мазар* Ай Абида играет важную роль в серии ритуалов, прежде всего свадебных⁴².

³⁸ Подробнее см. выше в главе «Эфиопская Мекка».

³⁹ Гумилев. Африканский дневник, *Сочинения*, VI. С. 97.

⁴⁰ Эти же термины используются для обозначения мавзолеев святых мужчин и женщин.

⁴¹ Святылище, связанное с его именем, расположено у подножия горы Хаким, которая главенствует над городом.

⁴² Камилла Гибб насчитала в Хараре около 40 мест поклонения, связанных со святыми женщинами. Этой теме посвящена ее диссертационная работа, защищенная в Оксфорде в 1997 г. С. Gibb, Camilla. *In the City of Saints: Religion, Politics and Gender in Harar, Ethiopia*, PhD thesis. University of Oxford, 1996.

Особенности местного культа святых (почитание деревьев и скал, связь с животным миром — подчинение гиен, змей, львов, а также воскурение благовоний), несомненно, связаны с доисламскими верованиями. Святой может иметь имя или утаить его, став скрытым (Ау Худдун), имеется святой покровитель дня (Ау Хазир) и ночи (Ау Лайлилас), святые покровители всего спектра традиционных ежедневных занятий и каждого из дней недели⁴³.

Ритуальное посещение (*зийара*) могилы святого связано с исполнением ряда обрядовых действий, носящих в целом синкретический характер — преподнесением человеку (*муриду*), надзирающему за святым местом, ладана, сахара или сладостей, ката, совершением совместной молитвы, сопровождаемой воскурением ладана. Кат (чат) позволяет участникам церемонии легче достигнуть особого состояния, облегчающего молитвенное общение. В мавзолеях, около святых могил и деревьев можно видеть курильницы для ладана (*гургира*).

Вообще же кат, столь популярный в Хараре сегодня, по крайней мере с XII в. стал служить одним из культурно-дифференцирующих факторов в ходе процессов обособления мусульманских районов Эфиопии. Историко-эпическое сочинение «Сказание о походе негуса Амдэ-Цыйона» приписывает султану Сабр ад-Дину слова «Посажу чат [в христианских областях Эфиопии], ибо это растение любят мусульмане, и оно составляет приношение, поступающее царю»⁴⁴. В этой связи интересна и дискуссия относительно сравнительной вредности и полезности пивобразного напитка *музирр* и ката, зафиксированная сочинением «Весна сердец», повествующим о мудрости и чудесах *шейха* Хусейна (фрагмент расшифрован по фотографии Н. С. Гумилева):

«О шейх! Слышали мы, что *музирр* запрещен, и того, кто пьет его, ты именуешь нечестивцем⁴⁵. Как это мо-

жет быть, если листья [ката], несмотря на их пороки, ты не считаешь запретным и не называешь нечестивцем жующего их? Ведь если *музирр* запрещен, то жевание листьев больше заслуживает [этого]. Ибо четыре свойства листьев — это состояния обитателей ада. Первое из них — в том, что они мешают их любителю вкушать пищу, воздержание же от пищи есть состояние обитателей ада, ибо обитатели ада едят мало <...>. Второе — в том, что они вызывают у людей ненависть друг к другу, а ненависть есть недомогание, недомогание же есть состояние обитателей ада. Третье — в том, что они сокращают время сна, а короткий сон есть состояние обитателей ада, ибо не находят они сна, пребывая в нем. Четвертое — в том, что они делают короче совокупление, а у обитателей ада не бывает совокуплений. Что же касается *музирра*, то четыре его свойства суть состояния обитателей рая. Ведь *музирр* не мешает людям есть, а есть — это состояние обитателей рая. Второе — в том, что он позволяет людям быть щедрыми, а щедрость — свойство обитателей рая, в раю пребывающих. Третье — в том, что он побуждает петь и смеяться, а это состояния обитателей рая, в раю пребывающих, в то время как обитатели ада вечно пребывают в плаче и печали. Четвертое — в том, что он усиливает способность к совокуплению, а это — состояние обитателей рая, в раю пребывающих. Все эти свойства — вкушение пищи, питье, пение, смех и совокупления — суть состояния обитателей рая, в раю пребывающих. Листья же [ката] лишены всего этого». И сказал им *шейх* (да смилуется над ним Аллах): «Послушайте, *факихи*! Есть ли среди нас тот, кто возразит, что пророк (да благословит его Аллах и приветствует) — один из обитателей рая?» — «Нет», — ответили они. И сказал он: «Разве пророк (да благословит его Аллах и приветствует) часто смеялся?» — «Нет», — ответили они. «Много ли он ел?» — продолжал он. «Нет», — ответили они. «Много ли он говорил?» — спросил он. «Нет», —

от питья *музирра*» (расшифровка по фотографии Н. С. Гумилева — Н. Л. Сверчкова).

⁴³ См.: Foucher. The Cult of Muslim Saints. P. 75–77.

⁴⁴ Б. А. Тураев. *Абиссинские хроники XIV–XV вв.* М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. С. 16.

⁴⁵ Ср.: «Дошло до нас также, что *шейх* Хусайн (да смилуется над ним Всевышний Аллах) ходил по земле и наставлял мусульман, веля им делать одобряемое и удерживая от порицаемого, в особенности

Чат и его продавец. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

ответили они. «Много ли он совокуплялся?» «Нет», — сказали они. И спросил он: «Так что же, жующие листья или пьющие *музирр* ближе [к обитателям рая], чем пророк (да благословит его Аллах и приветствует)?» Оказались они в замешательстве, не смогли ответить, и были побеждены в споре. По поводу же листьев [ката] он сказал, что не жевали их *имамы* наши и повелители наши, из-за порочности их, и сам он не ел их. Еще рассказывают, что однажды *шейх* (да смилуется над ним Аллах) был среди своих сподвижников, и рассказали ему, что *шейх* такой-то сорок лет не спал по ночам, а спал только днем. И спросил их *шейх*, жует ли он листья, или нет. Они сказали, что жует. И ответил им *шейх*: «Если он лежит днем и жует листья, то насыщается, и как же он сможет заснуть? Если даже очень постарается он, сна ему не видать. Если бы была в его душе тоска по любви к Аллаху, то он бы почувствовал»⁴⁶.

Здесь в целом зафиксировано существующее ныне отношение к кату — с одной стороны, неотъем-

лемой части традиционной культуры, с другой — легкого наркотика, привыкание к которому ведет к комплексу известных физиологических и социальных последствий⁴⁷.

Ежегодная совместная *зийара* является важной составляющей жизни *афотча* — неформальных ассоциаций, объединяющих (отдельно) женатых и замужних жителей Харара. Это — важный элемент социальной солидарности. Через неделю после самого радостного мусульманского праздника — праздника разговения после поста месяца *рамадан* (*'ид ал-фитр*) в седьмой день месяца *шаввала* харарцы, где бы они не оказались, отмечают свой особый веселый праздник, называемый *шаввал 'ид*. В Хараре молодые люди собираются у гробниц Ау Акбара и Шулума Ахмада. Этот день считается также особенно благоприятным для выбора будущего спутника жизни.

⁴⁶ Расшифровка по фотографии Н.С. Гумилева — Н.Л. Сверчкова. Здесь законоведам-*факихам*, которые, согласно цитируемому сочинению, были частыми оппонентами *шейха* Хусайна, не признававшими его авторитет, приписывается склонность к тяжкому греху — потреблению алкогольного напитка.

⁴⁷ С 1941 г. в областях, тяготеющих к Харару (так же как и в Йемене), кату постепенно вытесняет кофе, и сегодня именно кату составляет здесь основу местного экспорта. Его вывозят через аэропорт Дире-Дауа в Аден, по железной дороге — в Джибути, и автотранспортом (через Джиджигу) — в Сомали. Подробнее см.: E. Gebissa. *Leaf of Allah, Khat and agricultural transformation in Harerge Ethiopia 1875 — 1991*. Oxford — Addis Ababa — Hargeisa — Athens: Ohio State University Press, 2004.

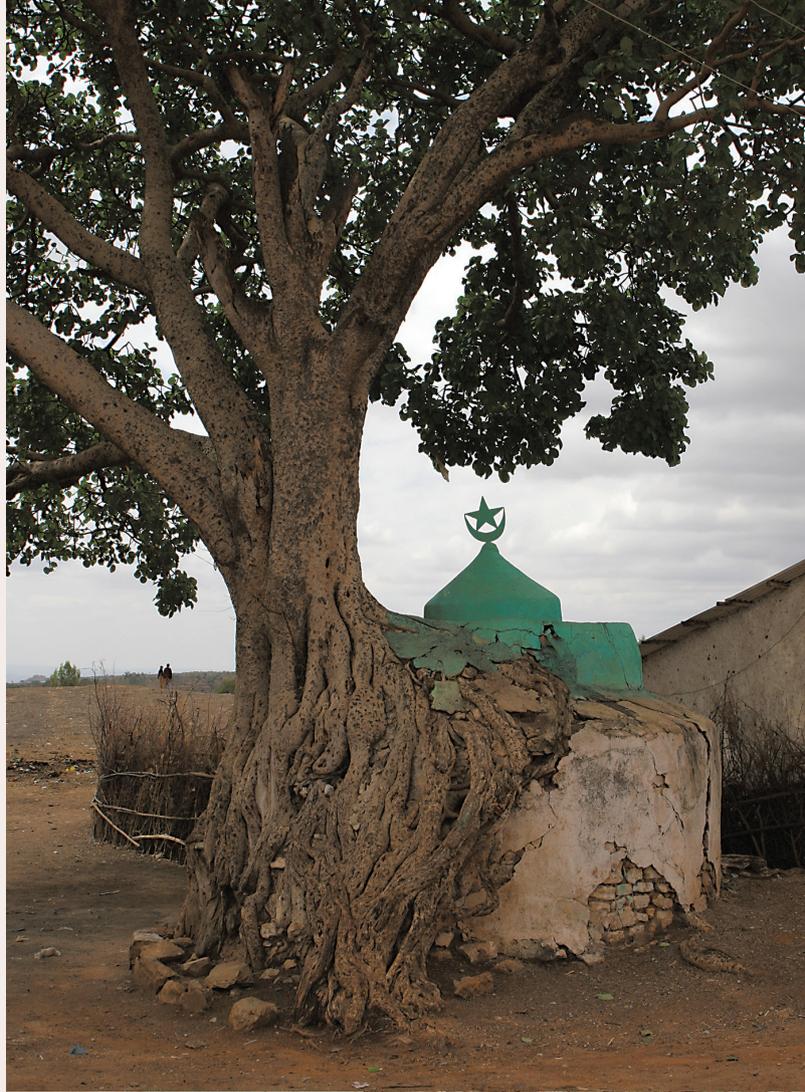

Шейх 'Абд Аллах Муса, потомственный *мурид* при гробнице Саййида 'Али Хамдонга. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Надмогильные сооружения часто являются местом, где бережно хранятся рукописи. Такая рукописная коллекция в апреле 2008 г. была любезно показана участникам экспедиции МАЭ *шейхом* 'Абд Аллахом Мусой, который является потомственным *муридом* при гробнице 'Али Хамдонга.

Ряд важных святых мест расположен в ближних и дальних пригородах Харара. Большинство из них также связано с именами спутников Абадира. Неподалеку от городской стены под громадной сикоморой стоит мавзолей Ау Ансар. На вершине горы Хаким, той горы, где Абадир явил перед своими спутниками чуда, расположен мавзолей его соратника Хакима —

Мавзолей Ау Ансар. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Мазар Хакима. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

одно из четырех святых мест, где в праздник 'Ашура, отмечающий новолетие, гиен кормят особой «кашей», приготовленной для разговения мужчин. По тому, как гиены едят оставленную им еду, судят о том, каким будет новый год. В 15 км от Харара в городке Коротом расположен почитаемый мавзолей другого сподвижника Абадира — Ау Софи, согласно преданию — основателя первого в городе медресе. В *мухаррам*, первый месяц мусульманского календаря, сюда с традиционными приношениями приходят учащиеся коранических школ. Источник рядом с мавзолеем носит название священного мекканского колодца Замзам.

Государственность Харара была поставлена под вопрос в результате мощного миграционного движения народа оромо, перекроившего этническую карту Эфиопии. Однако Харар не только сохранился в качестве

независимого политического, экономического и культурного центра, но, продолжая играть роль форпоста ислама в Восточной Африке, активнейшим образом способствовал обращению в ислам значительной части оромо⁴⁸. Этому содействовала и возникшая практика заключения «стратегических браков» между харари и «элитой» оромо. Важно отметить, что харари, как этносоциальная и этнорелигиозная группа, сохранили безусловно привилегированное положение, несмотря на то, что постепенно они оказались в меньшинстве (сегодня — даже внутри старого города). Привилегированное положение харари обеспечивало и обеспечи-

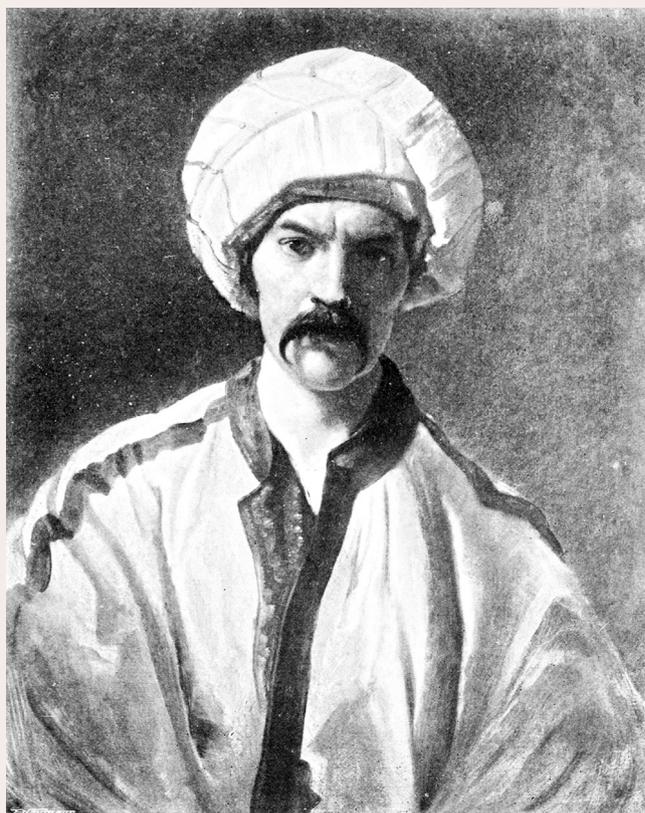
⁴⁸ M. Hassen. *The Oromo of Ethiopia: A History, 1570–1860*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; D.N. Levine. *Greater Ethiopia: The Evolution of a Multiethnic Society*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2014. P. 128–145; J. Doresse. *L'Éthiopie musulmane. Harar et les influences*, CNRS, XX (1976). P. 35–73.

ГОРОД СВЯТЫХ

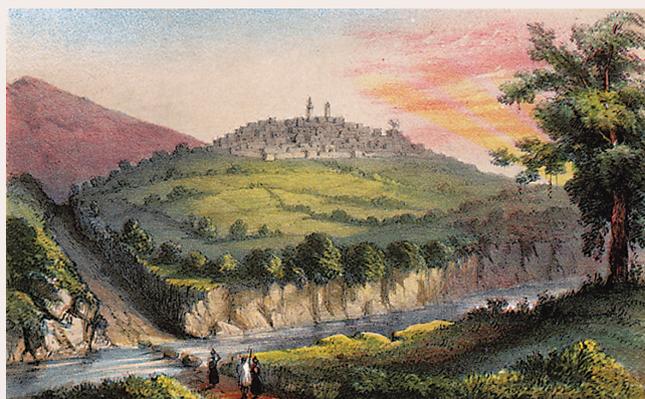
вает сегодня стремление представителей других национальностей (например, оромо и сомалийцев) к ассимиляции путем приобщения к традиционной культуре (*гей лимад* — «познание пути города»)⁴⁹.

Сакральное значение города подчеркивал запрет на его посещение иноверцами. Подобно Мекке и Медине, посещение Харара для христиан долгое время грозило смертью. Существовало предание о пророчестве, возвещавшем, что Харар падет, если в него проникнет хоть один христианин. Первый европеец, упомянутый выше Ричард Фрэнсис Бёртон, проник в Харар в январе 1855 г., лишь чуть более чем за полвека до приезда Гумилева. Он возглавил разведывательную экспедицию во внутренние районы Восточной Африки и под видом персидского купца совершил четырехмесячное путешествие в Харар. Бёртон прекрасно владел несколькими восточными языками и имел большой опыт путешествий в чужом облике (незадолго до того он смог проникнуть в Мекку)⁵⁰. В качестве гостя-пленника местного эмира он провел в Хараре 10 дней и по возвращении выпустил книгу о своем опасном путешествии⁵¹. Именно Бёртон ввел знание о Хараре в европейский научный и культурный оборот.

Гумилев оказался в Хараре в период, когда мусульманский город вынужден был привыкать к власти христианского правителя, эфиопского *негуса*, незадолго до того и вслед за коротким периодом правления египтян (1875–1885) установившего здесь свою власть (1887)⁵². Город стал центром самой большой провинции страны и местопребыванием губернатора. Насколько мы знаем теперь, этот процесс не был совсем бесконфликтным, но в то же время он не породил и всепоглощающей взаимной ненависти. Новые власти, в частности, во мно-

Бёртон в персидской одежде и под именем Мирза Абдулла Бушри. Иллюстрация из книги: I. Burton. *The Romance of Isabel Lady Burton. The Story of Her Life Told in Part by Herself and in Part by W. H. Wilkins*. New York: Dodd Mead & Company, 1897. P. 350

Образ Харара из книги: Burton. *First Footsteps*. P. 54

гом сохранили прежнюю систему администрации, в том числе *диван*, обеспечивавший функционирование земельных отношений. Чиновники-харари остались на своих местах, а за пределами стены стал возникать новый, по преимуществу христианский город⁵³.

⁵³ Сегодня население нового города значительно превосходит число жителей старого. По переписи 2007 г. население всего города составляет чуть менее 100 тыс. человек.

⁴⁹ C. Gibb. *Harari Ethnography*, *EAE*, II (2005). P. 1027.

⁵⁰ Путешествие подробно описано в сочинении: R. F. Burton. *A Personal Narrative of a Pilgrimage to Al-Medinah and Meccah*. London: Tylston, 1855.

⁵¹ R. F. Burton. *First Footsteps in East Africa or the Exploration of Harar*. London: Tylston and Edwards, 1856.

⁵² R. A. Caulk. *Harar Town and its Neighbours in the Nineteenth Century*, *JAH*, XVIII (1977). P. 369–86.

Н. С. Гумилев, Н. Л. Сверчков.
«Тэфэри Мэконнын». 1913 г.
МАЭ № 2198-159

Судьба свела Гумилева с харарским губернатором Тэфэри Мэконнын, будущим императором Эфиопии⁵⁴: за получением нужных для проезда бумаг Гумилев отправился к нему, прихватив, по обычаю, ящик вина в качестве подарка:

Как Мик лишь въехал в город роз
Подарки негусу он снес:
Часы, седло и карабин,
И ящик самых лучших вин⁵⁵.

В начале XX в. сбылось пророчество о Хараре и европейцах. Значение города как торгового и религиозного центра резко снизилось после завершения строительства европейцами железной дороги Джибути — Аддис-Абеба (1894–1917), которая обошла город стороной.

И молвил негус: Он хитер,
Так пусть он разрешит наш спор.

Центральная часть дворца Тэфэри Мэконнына. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Как раз в последние три дня
Все просят френджи у меня,
Чтоб я позволил провести
В стране железные пути⁵⁶.

Место прежнего занял «новый Харар» — железнодорожная станция Дыре-Дауа, хотя «старый Харар» еще долго сохранял прежний «торговый шик»:

А на носилках из парчи
Царевна смотрит и молчит.
То дочка Мохамед-Али,
Купца из Йеменской земли,
Которого нельзя не знать,
Так важен он, богат и стар,
Наряды едет покупать
Из Дире-Дауа в Харрар⁵⁷.

⁵⁴ Именно контроль над крупнейшей провинцией страны и над железной дорогой — единственным выходом страны к морю, позволил ему стать императором Хайле Селлассе I.

⁵⁵ Николай Гумилев. Вариант к тексту поэмы «Мик». См.: Н. М. Иванникова. Неизвестные стихотворения Н. С. Гумилева, *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1994*. М.: Наука, 1996. С. 49.

⁵⁶ Там же. С. 50.

⁵⁷ Николай Гумилев. Мик. 1914 г.

ГОРОД СВЯТЫХ

Н. С. Гумилев, Н. Л. Сверчков.
«Железнодорожный путь около станции ж.д. Логахардим». 1913 г.
МАЭ № 2198-39

У железной дороги в Джибути. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Женщины у прилавка с тканями. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

Здесь, кроме всего прочего, точно подмечена связь Африканского Рога, юго-восточной Эфиопии и Харара, в частности, с Аравийским побережьем и прежде всего — с Йеменом⁵⁸. Об этом и сегодня свидетельствуют многие элементы традиционной культуры — от обычаев, связанных с потреблением ката и кофе, до особой формы флажкообразных плетеных вееров (образец был привезен экспедицией Гумилева)⁵⁹ и использования растворов на основе хны для нанесения узоров на женские ладони и ступни⁶⁰.

⁵⁸ Нельзя забывать и о том, что на протяжении нескольких столетий Харар находился под властью династии Валашма⁴, имевшей йеменское происхождение и сохранявшей связи с родиной.

⁵⁹ См.: МАЭ № 2155–23. Комментарий Н. С. Гумилева (ПД № 43): «(Мраваха) веер, который в центре полуострова употребляется только муллами, а на окраинах, напр. в Джибути, всеми. Джигджига <...>. Приобретены в Хараре у заезжего сомалийца следующие вещи, употребляемые племенем Хабрауал в центре и на западе Сомалийского полуострова, 18 мая 1913 г.».

⁶⁰ См.: Gibb. In the City of Saints. P. 48–50, 147, 151, n. 79, 159–160; Страна благовоний. Йемен: образы традиционной культуры / The Land of Incense. Yemen: Images of Traditional Culture. Каталог выставки (на русском и английском языках). Сост. и ред. Е. А. Резвана. СПб.: Петроний, 2007. С. 79–83.

Из путевых записей Н. С. Гумилева: «(Мраваха) веер, который в центре полуострова упоребляется только муллами, а на окраинах, напр. в Джибути, всеми. Джигджига». Коллекция Н. С. Гумилева. 1913 г. МАЭ № 2155-23

Вторая половина XX в. ознаменовалась в социальной и этнокультурной жизни Харара множеством неоднозначных и разнонаправленных процессов. Этот период вместил и появление движения за независимость, и массовую эмиграцию в США, Канаду и Австралию в 70-е и 80-е гг., вызванную политикой марксистского режима⁶¹, и борьбу за сохранение родного языка и культуры, и пришедшее понимание нового места города и его традиций в реалиях мира, охваченного глобализационными процессами. С 1995 г. Харар имеет статус одного из 11 этнополитических образований (*килил*), входящих в федеративную Эфиопию⁶².

«При режимах, которые прежде существовали в Хараре, в Эфиопии, мусульмане считались гражданами второго сорта. Но, поскольку сейчас в нашей стране свобода вероисповедания подтверждена конституцией, движение развивать нашу веру и учить ей обрело широкие возможности. И мы, говоря: “Стало лучше!”, имеем в виду, что в нашей стране, регионе для нас сложилась более благоприятная ситуация»⁶³, — сказал нам *шейх*

⁶¹ Подробнее см.: D. W. Giorgis. *Red Tears. War, Famine and Revolution in Ethiopia*. Trenton, NJ: Red Sea Press, 1989. Харари традиционно многоязычны. Сегодня, помимо родного языка, они обычно владеют амхарским, и оромо, могут объясниться на английском, арабском и сомали. Престижность образования, традиционная для харари, позволяет эмигрантам достаточно легко находить себе место в чужой и значительно более конкурентной среде.

⁶² Официальное английское название: Harari People National Regional State.

⁶³ Видеоинтервью с *шейхом* Ибрагимом Шарифом, хронометраж: 02:37–02:58.

Н. С. Гумилев, Н. Л. Сверчков. «Улица в Хараре». 1913 г. МАЭ №2198-244

Улица в Хараре. 2008 г. Фото Татьяны Федоровой

Ибрагим Шариф, глава Высшего духовного совета провинции Харар.

В 2002–2003 гг. Харар как город, который для многих африканских государств может служить образцом в содействии этнокультурному и религиозному многообразию, получил премию ЮНЕСКО «Города за мир» (UNESCO's Cities for Peace Prize): «Благодаря чему город удостоился премии мира? У нас в Хараре места поклонения различных конфессий едва ли удале-

Шейх Ибрагим Шариф, глава Высшего духовного совета провинции Харар. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

ны друг от друга на 100 метров. Если мы посмотрим на Фэрэс Мэгала — раньше это была мечеть — Мэдхане Алеем, то эта церковь отдалена от главной мечети Джум'а на расстояние в 50 метров... А еще в 50 метрах находится католическая церковь. Кроме того, как вы знаете, Харар является местом встречи народов и народностей, которые живут здесь, торгуя в мире и исповедуя здесь желаемым образом свои религии. Вот благодаря этому город и получил премию⁶⁴.

...У меня есть мое убеждение, и у каждого есть свое. Я не говорю ему, принуждая: “Так ты не примешь мою веру?” И другой не требует, чтобы его вера была принята, потому что у нас своя. В то время как мы существуем, у каждого своя вера: “У вас — ваша вера, у меня — моя вера”⁶⁵. Мы в Хараре, в нашем регионе живем в условиях терпимости такого рода, в такой обстановке...⁶⁶ Я должен уважать твою религию, а ты должен уважать мою веру; и между нами двумя не возникнет проблем⁶⁷. Все мы полагаем, что завтра в потустороннем мире мы войдем в рай. Ты можешь войти

посредством твоей веры, и я могу войти посредством моей веры⁶⁸.

Мы живем как семья. Вера у каждого для себя, а в общественной жизни мы работаем вместе. Если угощают на свадьбе, то христианин не делает только для себя, и мусульманин не делает только для себя, здесь в *джаголе*. Таким единством я, мы гордимся, и я верю, что это культура, которой может гордиться весь народ Харара»⁶⁹, — продолжил *шейх* Ибрагим Шариф.

Между тем, как и прежде, одна за одной волны проповедников из ряда исламских центров Ближнего Востока продолжают нести сюда традиции и обычаи, религиозные предпочтения и практику, чуждые для ислама, укоренившегося на протяжении веков на местной почве. Традиционный для этих мест ислам суфийского толка подвергается в последние десятилетия массивному давлению со стороны групп и организаций, действующих как на Аравийском полуострове, так и в Сомали. Это проявляется, например, в огромном количестве телевизионных тарелок (*дишу* — от англ. “dish”), установленных на крышах очень бедных домов или рядом с ними и подаренных их обитателям в рамках широкого пропагандистского проекта, и в исчезновении из обихода амулетов с молитвами и кораническими текстами, столь характерных для суфийских регионов⁷⁰ (образцы были привезены Н. С. Гумилевым⁷¹), и, наконец, в политических и экономических новостях, которые приходят из региона. Отмечено, что многие из харари (правда, живущие преимущественно вне города) уже считают сегодня суеверием традиционный комплекс ритуалов, связанных с посещением святых мест, и относят их скорее не к религиозной сфере, а к традиционной культуре (*гей ада*) наряду с традиционными для горожан

⁶⁴ Там же, хронометраж: 08:39–08:50.

⁶⁵ Там же, хронометраж: 28:10–28:33.

⁷⁰ В 2008 г. в Джиджиге на сомалийской границе в специализированной лавке, продающей исламскую литературу и атрибутику, не удалось обнаружить ни одного подобного амулета. В Хараре в местной антикварной лавке удалось приобрести один, к сожалению, лишенный вложения. Его можно датировать началом XX в.

⁷¹ См. ниже в главе «Калам и книга».

⁶⁴ Там же, хронометраж: 25:54–26:30.

⁶⁵ Коран, 109: 6. Перевод И. Ю. Крачковского

⁶⁶ Видеоинтервью с *шейхом* Ибрагимом Шарифом, хронометраж: 06:17–06:28.

⁶⁷ Там же, хронометраж: 07:40–07:53.

Спутниковые тарелки на крышах и во дворах очень бедных домов. 2008 г. Фото Татьяны Федоровой

одеждой, кухней, искусством создания плетеной посуды, а также наряду с местными обычаями, связанными с рождением, бракосочетанием и погребением⁷².

Наша экспедиция работала на территории северо-восточной Эфиопии с 22 марта по 5 апреля 2008 г. Вскоре после нашего возвращения, 21 апреля Эфиопия объявила о разрыве дипломатических отношений с Катаром, финансирующим спутниковый телеканал «ал-Джазира», обвинив Доху в поддержке Национального фронта освобождения Огадена и связанной с «ал-Каидой» группировки «аш-Шаббаб» — вооруженного крыла повстанческого движения «Союз исламских судов», вытесненного из многих городов Сомали эфиопскими войсками в 2006 г. 2 мая в результате удара с воздуха, организованного США, был убит лидер организации «аш-Шаббаб» Аден Хаши Айро.

Однако самое важное событие произошло накануне нашего приезда в Эфиопию: 12 марта было объявлено о начале осуществления проектных работ под строительство 28-километрового моста между Йеменом и Джибути как части трансконтинентальной магистра-

ли, призванной связать страны Дальнего Востока с Африкой⁷³. Финансирование проекта осуществляет международный консорциум, основу которого составляют финансовые группы, базирующиеся в странах Залива и ищущие сегодня варианты независимого вложения долларовых активов. В проекте, обеспечивающем сухопутный экспорт с Дальнего Востока, заинтересован Китай, вложивший в последние годы миллиарды долларов в добычу полезных ископаемых в Африке. Проект строительства моста повлек за собой реконструкцию и развитие железной дороги Джибути — Аддис-Абеба, разработку местных минеральных ресурсов, в том числе — керамического сырья, железных и медных руд, залежи которых разведаны в окрестностях Харара.

Очевидно, что осуществление проекта такого масштаба повлечет серьезные социально-культурные последствия и, в частности, будет способствовать резкому усилению давления на «местный ислам» — возможность легкого пересечения Баб-эль-Мандебского пролива обеспечит многократный рост числа африканских мусульман, совершающих *хаджж*, а значит, и попыток унификации религиозного пространства по обе стороны пролива. Начало этого процесса мы и наблюдали в апреле 2008 г. При всей условности исторических параллелей вспомним, что в свое время «партия религиозных реформ», имевших целью исправление местного «нечистого» ислама, стала «партией *джихада*».

Дальше мир стал свидетелем массовых демонстраций мусульман в Эфиопии 2011–2014 гг., начала в 2014 г. гражданской войны в Йемене и вооруженного противостояния между федеральным правительством Эфиопии и властями автономного региона Тыграй, вспыхнувшего 4 ноября 2020 г. В декабре того же года я разговаривал с очень информированным и влиятель-

⁷² Gibb. Harari Ethnography. P. 1026.

⁷³ В те годы стоимость строительства этого самого протяженного подвесного моста в мире оценивали в более чем 20 миллиардов долларов. Продолжительность строительства, в ходе которого будет создано порядка 100 тысяч рабочих мест, 10–12 лет. По мосту высотой свыше 400 метров должны пройти шестиполосная скоростная автострада и четырехполосная железная дорога. Согласно планам, у въезда и выезда с моста возникнут крупные городские центры.

ГОРОД СВЯТЫХ

ным собеседником, несомненно принадлежащим к элите стран Залива:

— Ты думаешь, в Йемене воюют Иран и Саудия? — спросил он меня и сам ответил: — Нет: Америка и Китай!

«Если мы посмотрим на все войны, которые имели место в этом мире, их причину делала экономика», — сказал нам в 2008 г. *шейх* Ибрагим Шариф⁷⁴.

Мы попросили, чтобы *шейх* закончил интервью фразой на своем родном языке — харари, и дал ан-

⁷⁴ Там же, хронометраж 36:55–37:01.

глийский перевод, ибо не были уверены, что дома найдем специалиста по этому редкому языку. Вот что мы услышали: «Объединитесь! Просто забудьте о религии... человечество должно быть единым. Только тогда мы сможем двигаться к процветающему миру. В противном случае, будучи разобщенными, мы никогда не достигнем успеха в нашей жизни. Вот что я сказал...»⁷⁵

⁷⁵ «Unite, just forget about religion <...> in the case of humanity you have to unite. Then we are going to see the prosperous world, otherwise, if you are differentiated, we will never succeed in our life. This is what I said...», см.: Там же, хронометраж: 34:46–36:55.

“Bridge of the Horns”. Проект датской компании Dissing+Weitling Architecture (Copenhagen)

Старик-харари. 2008 г.
Фото Татьяны Федоровой

ГОРОД СВЯТЫХ

Н. С. Гумилев, Н. Л. Сверчков. «Профиль старика хараритянина». 1913 г. МАЭ № 2198-49

Джустино. Вид на старый город с горы Хахим. 2005 г. Источник: *WiCom*, 2022 г.

Сегодня значительная часть населения старого города — харари (*гей* 'усу — «люди города»), народ, говорящий на семитском языке⁷⁶, который они называют *гей синан* — «язык города». Сам же Харар, бережно хранящий древние традиции, — это для его жителей город (*гей*) по преимуществу, подобно Риму (Urbs) или древнеаравийскому Йасрибу, ставшему Мединой.

Для Николая Гумилева Харар, мусульманский город, в котором он пробыл дольше всего, также стал воплощать «идею» города ислама как такового. Харар, полный для Гумилева «прелести старых сказок», его люди в белых одеждах, его улицы и площади, мечети и базары вновь и вновь «прочитываются» и в стихотворениях, прямо не связанных с этим городом:

Города, озаренные солнцем,
Словно клады в зеленых трущобах,
И из них, как грозящие руки,
Минареты возносятся к небу⁷⁷.

Уезжая из Харара, мы остановились на вершине горы Хаким. Дул сильный ветер. Перед нами в долине открылся вид на город, ставший для Гумилева прообразом средневекового Багдада, города *халифа*, прельщавшего красавицу-*пери* своим богатством и властью:

Мы будем слушать ветер горный
С высоких каменных террас,
Смотреть на город, нам покорный,
На мир, живущий ради нас⁷⁸.

Сегодня очевидно, что ближайшие десятилетия будут, скорее всего, временем непростым и могут принести в местный религиозный и жизненный уклад множе-

ство перемен. Нам же довелось увидеть город во многом таким, каким его увидел поэт в 1913 г.

Я сознательно свел в начале статьи четверостишие Николая Гумилева с цитатой из труда выдающегося английского ученого-дескриптивиста Эварда Лэйна (1801–1876). «Поэт как ученый», «ученый как поэт»: именно так работал Гумилев в 1913 г. в Хараре⁷⁹.

⁷⁶ Сегодня язык, сохраненный в годы политики этнической унификации благодаря энтузиазму и настойчивости горожан, прежде всего женщин, преподается в школах города.

⁷⁷ Николай Гумилев. Судан. 1918 г.

⁷⁸ Николай Гумилев. Дитя Аллаха. 1917 г.

⁷⁹ Подробнее о работе Николая Гумилева в Хараре см. ниже в главе «Калам и книги».

